РАЗДЕЛ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Приближения зимы 32–33 годов мы ждали с таким страхом, будто судного дня. И она пришла такая убийственно лютая, какой только может быть природа. Эта зима была особенно суровая, будто действуя заодно с коммунистами против крестьян.

В наших краях зима начинается с конца ноября, когда перестают лить сплошные дожди и наступают первые заморозки. Замерзают лужи и затвердевает грязь. Тяжёлые сизобелые снеговые тучи догоняют на небе друг дружку.

Эту смену погоды сопровождает ледяной восточный ветер, дующий вдоль долины и вынуждающий людей искать убежище в домах. В такую пору наши крестьяне торопятся закончить работу в полях и уйти на честно заработанный зимний отдых. Прежде бывало, что после окончания полевых работ крестьяне даже не обязательно выходили во двор в непогоду. Они запасались достаточным количеством продуктов и топлива, так что перебыть холодные дни и ночи в хате не составляло никаких трудностей.

Но та зима отличалась от любой из предыдущих зим. Хотя в природе повторялся тот же обычный цикл, разве что с той разницей, что стоял страшный холод, жизнь крестьян не пошла своим привычным ходом, потому что вместе с зимой на село надвигался и великий голод.

Недостаток пищи тревожил нас ещё в ноябре, когда мы только заканчивали работу на колхозных полях. Небольшой аванс, натурой полученный от колхоза, к тому времени уже съели. Нам сказали, что мы получим ещё немного продуктов, как только закончатся полевые работы. Но мы так ничего и не получили.

А потом пришлось платить налоги. Налоги в виде яиц и молока были обязательны только для тех, кто держал домашнюю птицу и коров. Но определённую квоту мясосдачи, приблизительно 250 фунтов в год, требовали от каждого хозяйства независимо от того, были там животные или нет. Крестьяне, у которых не было скотины, должны были платить этот налог деньгами. То есть выходило, что круглогодичного заработка колхозника в колхозе не хватало на покрытие его обязательств перед государством, а о его физическом выживании уже нечего и говорить.

Но даже имея какие-то деньги, крестьяне не могли купить себе продуктов. Ведь фактически торговлю продовольственными и промышленными товарами первой необходимости государство официально запретило. 6 декабря 1932 года Совет Народных Комиссаров и Центральный Комитет КП(б)У приняли такое совместное постановление:

"Принимая во внимание особенно позорный провал хлебозаготовок в отдельных районах Украины, СНК и ЦК ставят перед облисполкомами и обкомами, райисполкомами и райпарткомами задачу сломить саботаж хлебозаготовок, организованный кулаческими и контрреволюционными элементами, подавить сопротивление части сельских коммунистов, которые стали фактическими проводниками саботажа, и ликвидировать несовместимую со званием члена партии пассивность и примиренчество к саботажникам, обеспечить быстрое наростание темпов, полное и безусловное выполнение плана хлебозаготовок.

СНК и ЦК постановляют:

За явный срыв плана хлебозаготовок и злостный саботаж, организованный кулаческими и контрреволюционными элементами, занести на "чёрную доску" такие сёла: с. Вербка Павлоградского р-на Днепропетровской обл.; с. Гавриловка Межевского р-на Днепропетровской обл.; с. Лютенька Гадячского р-на Харьковской обл.; с. Каменные Потоки Кременчукского р-на Харьковской обл.; с. Святотроицкое Троицкого р-на Одесской обл.; с. Пески Баштанского р-на Одесской обл.

К этим сёлам применить такие меры:

1. Немедленно прекратить подвоз товаров, полностью прекратить кооперативную и государственную торговлю на месте

и вывезти из соответствующих кооперативных и государственных магазинов все наличные товары.

2. Полностью запретить колхозную торговлю как для колхозников, так и единоличников.

3. Прекратить любое кредитование, провести досрочное взыскание кредитов и других финансовых обязательств.

4. Проверить и очистить органами РКИ (Рабоче-Крестьянской Инспекции. – Ред.) кооперативные и государственные аппараты от всяческих чуждых и враждебных элементов.

5. Проверить и очистить колхозы этих сёл, изъяв контрреволюционные элементы, организоторов срыва хлебозаготовок".

Ясно было, что это постановление лишало крестьян не только пищевых продуктов, выращиваемых в этой местности, но и таких потребительских товаров первой необходимости, как спички, соль, керосин, рыба, сахар, консервы и т.д., о чём уже упоминалось. Торговля пищевыми продуктами и промышленными товарами запрещалась по всей Украине, ведь не было в ней ни одного села, которое бы выполнило план хлебосдачи.

Наши опасения превратились в настоящую панику, когда разошёлся первый тревожный слух, что колхозные амбары стоят пустые, что из села забрали всё зерно подчистую, не оставив ничего для местных жителей.

А долгая зима ещё только начиналась. Только через полгода после декабря мы могли бы собрать овощи на своих огородах; и только через восемь месяцев могли бы испечь хлеб из зерна нового урожая. Тем временем некоторые из нас уже сейчас едва держались на ногах от недоедания. Но всё же мы надеялись, что государство поможет нам, хотя время шло и эта надежда постепенно угасала.

А мороз все крепчал, а снег шёл и шёл – медленно, но постоянно, угрожая совсем перекрыть дорогу от села до районного центра и до других соседних городов. И всё так же члены хлебозаготовительной комиссии продолжали свою работу, непрестанно снуя от хаты к хате, конфисковывая всё съедобное, что только им удавалось найти в своем стремлении выполнить государственный план хлебозаготовок. Они силой забирали у крестьян даже самое малое количество зерна и мяса.

Нам нужно было что-то делать. Никому не хотелось неподвижно лежать и умирать от голода. Первое, к чему прибегли крестьяне, был массовый исход в близлежащие города, где они надеялись найти зароботок и прокорм. До городов пытались добраться все – молодые и старые, как они уже и раньше пробовали, во время голода прошлой весной. Многим это не удавалось, и их замёрзшие трупы были будто вехами для других на заснеженных дорогах к райцентрам. А те, у кого хватало сил дойти до больших городов, все равно не находили там райских достатков, хотя, конечно, нормированная выдача продуктов там несколько ослабляла натиск голода. Но продуктовые пайки в городах были такие мизерные, что горожане не могли помочь ослабевшим от голода крестьянам.

Работу было так же трудно найти, как и пищу. Из мужчин – кто был помоложе и покрепче – некоторые ещё находили себе работу на сахарных заводах, на строительстве дорог или лесорубами. Другие нанимались носить воду из колонок. Но пожилые мужчины, как и женщины и дети, которые отчаянно рвались в города, надеясь заработать себе хотя бы на ежедневный хлеб, были не такие везучие.

Когда исход крестьян в города приобрел размах, правительство грянуло на крестьян новым распоряжением, которое запрещало колхознику без специального удостоверения появляться в любом городе. Свободный выезд из Украины также был строго запрещён.

Именно в это время – в конце декабря 1932 года – правительство ввело единую паспортную систему по всему Советскому Союзу с целью помешать крестьянам, умирающим от голода, покидать свои сёла и разбредаться по городам. Это означало, что все советские граждане в возрасте от шестнадцати лет, проживающие постоянно в городах, должны были зарегистрироваться в милиции, чтобы получить паспорт.

Человеку без паспорта не разрешалось ни жить в данном городе, ни работать и получать пайки. Все, кроме крестьян, должны были иметь паспорта. Крестьянин, не зарегистрировавшись в милиции, не мог оставаться в городе дольше, чем двадцать четыре часа. Таким образом крестьяне, лишённые паспортов, не могли работать в городе и, что ещё важнее , не могли получать продовольственные пайки.

Паспортизация формально была направлена против кулаков, как это провозглашала советская пропаганда: "Паспортизация – смертельный удар по кулачеству!" Этот убийственный лозунг воскресил более давний вопрос: "А кто же кулак?" Ведь на то время уже всё крестьянство было коллективизировано. Под конец 1932 года в нашем селе не осталось ни одного единоличника. Могли ли члены колхоза быть кулаками? Нам трудно было понять такую логику. Но, если на то пошло, такое ошибочное рассуждение всё равно не имело для нас никакого значения.

Теперь нам всем становилось понятно, почему в селе не оставили никаких продуктовых припасов; почему уже нет никакой надежды их раздобыть; почему наша надежда, что государство всё же поможет нам избежать голодной смерти, было наивным и напрасным; почему хлебозаготовительная комиссия всё ещё рыщет за "припрятанным" зерном; и почему правительство так строго запрещает нам вне села искать способы выживания. Наконец нам стало ясно, что это был сговор против нас, что кто-то хочет стереть нас с лица земли не только как хлеборобов, но и как нацию – как украинцев.

Когда мы это поняли, то на смену нашей первоначальной растерянности пришёл настоящий панический ужас. Но всё же наша инстинктивная тяга к жизни была сильней, чем любые запреты. Она приказывала тем, у кого ещё была физическая сила, что они должны сделать всё, чтобы спасти себя и своих родных.

Продолжались отчаянные попытки найти возможность как-то устроиться в соседних городах. Многие из тех, кто был покрепче, пробирались за пределы Украины, в отдалённые районы Советского Союза, главным образом в Россию, где, как мы слышали, продуктов было вволю. Другие отправлялись на юг, так как слухи свидетельствовали, что на угольных шахтах Донбасса можно найти работу с постоянным заработком и продовольственными пайками.

Но мало кто из этих отчаянных путешественников в края достатка добирался туда. Дороги к большим городам были для них закрыты. Милиция и ГПУ проверяли документы и место назначения каждого пассажира в поездах. Эти мужественные

мужчины и женщины, пытавшиеся выжить, достигали совершенно противоположного эффекта. Мы можем лишь догадываться, что было с ними после их ареста: или смерть, или концентрационный лагерь. Если им и удавалось избежать смертного приговора в "народных" судах, получив вместо этого сомнительное послабление в виде принудительных работ в лагерях, то они никогда и не начинали отбывать это своё наказание. Голод, холод и вообще невыносимые условия существования косили их по дороге в лагеря, на железнодорожных станциях, в открытых товарных вагонах, в которых их везли на север и восток, и в которых они замерзали до смерти.

А те, кому каким-то образом повезло просочиться сквозь рогатки, расставленные милицией и ГПУ на дорогах, часто становились жертвами уголовных преступников, которые терроризировали железные дороги и базары. Счастливчики, которым удавалось после таких страшных испытаний возвратиться в свои сёла, а также и те, которые оставались в селе, постепенно падали духом и теряли веру в то, что выживут в этой беде. Ослабевши от недоедания, промёрзшие от холода в хатах, они просто уже утратили жизненные силы. Крестьяне всё глубже и глубже впадали в полнейшую покорность судьбе, безразличие и отчаяние. Кое-кто приходил к убеждению, что голод был справедливой Божьей карой за их веру в коммунизм и поддержку большевиков во времена революции.

Был такой слух, что некоторым из вернувшихся повезло где-то раздобыть немного продуктов – преимущественно муки, но мало кто из них смог доставить это сокровище домой. Эти продукты, добытые с невероятными трудностями, либо конфисковывали государственные органы, либо отбирали бандиты.

Всё это убеждало нас, что мы проиграли свою битву за жизнь. Наши попытки вырваться из тисков обстоятельств или как-то разжиться продуктами были чаще всего неудачными. Нас лишили продуктов и оставили узниками в нашем же селе, обрекли на медленное, полное нечеловеческих мук, умирание от голода.